

В этом мире я только прохожий.

Труднопереводимое молчание.

Э.Д. Заполняя пустоту (Ч. 1)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63477053

Аннотация

Возможно, начало долгой, любопытной истории, позволяющей заглянуть во внутренний мир героев. Это смесь из постыдного пристрастия к курению, низкокачественного кофе, сомнительных переживаний. Эти страницы помогут вам заполнить пустоту вечера.

Как лучше начать? Мне кажется, что любое начало будет избитым. Была последняя теплая ночь лета. Как такое? Нет-нет. Начало – это ведь самое главное, верно? Именно первому абзацу нужно уделить особое значение. Может начать с чего-нибудь мистического, шаблонно-интригующего? В купе вагона сидел человек. В его остекленевших глазах чернела пустота, на лицо спадали редкие засаленные пряди волос. За окном сгущался туман, окутывая тощие деревья и вышки проводов. Колеса поезда глухо стучали о рельсы, за стенкой говорили люди. Человек из купе не имел родителей, не имел прошлого. Тяжело усевшись в сидение, он хрипло вдыхал воздух, со скрипом выдыхал его через отвисшие сухие губы. На лбу проступили капли пота. Стоило поезду въехать в туннель, и купе затопило желтым светом. Человек равнодушно смотрел на свое отражение; смотрел на бурые щепки гнилых зубов, багровые мешки под глазами и выбоины от прыщей на обвисших щеках. На одной из станций к нему подсела девушка. Он чувствовал, что она рядом. Ноздрями втягивал сладковатый запах ее волос. С трудом перегнувшись, он вытянул из-под ног потертую сумку, а после извлек из нее книгу. Лишь раз он отвел взгляд от печатных слов, взглянул на девушку. От неловкости она улыбнулась, а после отвела взгляд в окно. Неплохо, но все же не то. Слишком уж иллюзорно, чрезмерно утрированно. Но вот, пожалуйста, первый

абзац готов. К сожалению, на этом он себя исчерпал.

Был еще вариант, мне он нравится больше. Небольшая притча. У беспокойного побережья озера, вода которого темным отражением сливается с ночным небом, одинокий старик тянет лодку к кромке воды. Рядом юлит седой, когда-то золотистый пес, лучший друг старца, его опора и последнее живое существо на этом свете, которое понимает одинокую душу нашего героя.

– Давай, малыш, прыгай. – Сухая рука указывает на место в лодке, – Нам пора, времени почти не осталось. Пес с печалью поглядывает на своего хозяина, мнетя на одном месте, а после покорно занимает указанное место. Ладонь скрюченных пальцев ложится на голову собаки. – Молодец, Канопус, умница.

Озеро прихотливо обнимает лодку, весла рассекают толщу воды и толкают ее к горизонту. Мягкое прощание с судьбой изводит ветхое сердце. Сердце, которое знало и любовь, и предательство, радость и печаль. Канопус скорбно глядит на разводы, а после, тихо скуля, сочувственно кладет голову на колени старика. Вдали, в свете береговых фонарей стоят люди, машут руками, что-то прикрикивают, плачут, свистят.

– Канопус, ты только погляди, люди все больше похожи на точки. – Устало усмехнувшись, подметил старец.

Весла безвольно повисли по краям лодки, из-за пазухи старик достает трубку, прочищает ее указательным пальцем, а после засыпает изрубленный лист табака. Причмокивая, он

выпускает белые облака, а после прискорбно замечает, что людей на берегу совсем не осталось. Именно так представлял свою смерть сельский учитель, но время его пришло, подкралось незаметно, настигло его перед экраном телевизора. И перед тем, как испустить дух, он с сожалением подумал, что так и не завел собаку.

Думаете, я издеваюсь? Отнюдь, это все для дела. Объясню позже, поверьте. Вы еще здесь? Прежде чем писать дальше, я лишний раз намекнул на зачатки воображения, поэтому все ниженаписанное не стоит воспринимать близко к сердцу. А если, упаси Бог, вы узнали в этом себя или своего знакомого, спешу удивленно развести руками. Но хватит игр, все карты на стол. Прежде, чем вы решитесь потратить свое время, задумайтесь о том, что перед вами вовсе не книга, а скорее плод уединенных вечеров. Лично я не претендую на звание писателя, куда уж мне. В некоторых сочинениях школьников, вокзальной макулатуре или любовных романах, есть нечто, что с грохотом разгромит сюжет и посыл настоящего творения. Нет, творение не подходит, само слово обещает ценность. Я пишу, потому что один, отчасти это объясняет название.

Но и это еще не начало. Прошу, если вам уже наскучило, несмотря на дальнейшие сцены моей фантазии, рекомендую отложить чтение. В последнее время у меня мало возможности немного поразмышлять вслух. Я включу музыку, вы не против? Можете слушать свою, я не возражаю. Вы когда-ни-

будь замечали, что воспоминания не имеют времени? Конечно, всегда можно сказать, что было раньше, что произошло позже. Это как рыться в коробке с фотографиями, их все ты просматриваешь в настоящий момент. С воспоминаниями еще сложнее, это как омут, имеющий свои характеристики. Запах, температура, звуки, визуальные образы. Эта двойственность утомляет, ведь ты находишься на распутье между реальностью и чем-то, что больше напоминает фантазию. Воспоминания обман. Ты можешь думать, что помнишь, как пахнут духи какой-нибудь девушки, ты любил как они пахнут. Возможно, ты даже можешь назвать запах. Но пока не встретишь его вновь, он останется лишь названием. И ведь так со всем. Ты скучаешь по детству, долгим годам знакомства с миром. Но стоит тебе взять бумагу, ручку, ты не многое сможешь написать. А то, что выйдет, ты не сможешь назвать своим детством. Читая, ты лишь сможешь узнать некоторые моменты, но не прикоснешься к тем вещам. Впрочем, мои мысли бесплодны.

Все, что вы только что прочитали, я написал в кофейне. Кофейня эта мне нравится, просторная, не многолюдная. Но сегодня я здесь не ради себя, о нет, поверьте. Мы ждем наших героев, они скоро будут. Ко мне подходит официантка, я заказываю кофе с корицей. Хотя, думаю, вам это не интересно. Я спрашиваю ее имя, она слегка смущена. Ее зовут Катя. Катя думает, что я идиот, а после уходит. Через десять минут я получаю заказ.

А вот и они, наконец то пришли. Агата и Борис заняли круглый столик в глубине зала, в самом углу. Тут же подошла официантка и подала меню. Борис смотрел на Агату, в предвкушении разговора, он рассматривал свою подругу. У нее были серо-зеленые глаза и тяжелый взгляд, прекрасные золотые волосы. Последние и вовсе были ее главным козырем внешности, она сама это признавала. Но сегодня, густые и крепкие, собранные резинкой на затылке, они теряли свое очарование. Ему всегда больше нравилась компания девушек, они более внимательны к мелочам и умеют слушать. Но во встречах с Агатой было нечто успокоительное и очищающее. Это совершенно не значит, что она была для него сточной ямой, в которую можно заливать свой мусор, вовсе нет. Борис знал, что с ней можно быть откровенным без оглядки на правильность сказанного. Она выслушает, в крайнем случае тяжело вздохнет или мягко пошутит, а после выскажет свое мнение. Засучив рукава еще советской спортивной кофты, она секунду смотрит на меню, а после откладывает его в сторону. Они заказывают темную жидкость из непонятного сочетания кофе, цитрусов и специй. Им нравилось, как сервируют заказ, а именно – приносят на деревянной дощечке, сам напиток подавали в стаканах с полыми стенками, а так как вкус был весьма специфичен, к кофе полагалась вазочка с семью жареными миндалинами. Таким образом их столик казался менее пустым. Официантка уточняет заказ, они просят воду с лимоном. Ее подавали бесплатно, поэтому

грех было отказываться.

– Слушай, а ты можешь за меня заплатить? На следующей неделе отдам. Сам понимаешь, – с немного наигранной неловкостью спросила Агата.

– Конечно, и можешь не уточнять, ты же знаешь. У меня пока есть деньги, – мягко сказал Борис. Дело в том, что уже как год, он испытывал вину за эти встречи. Ведь каждый раз, в приступы одинокого уныния, он тут же звонил ей, а она всегда соглашалась встретиться.

– Как там с твоими девочками?

Этот вопрос задавался во время почти каждой встречи. И каждый раз, отвечая, Борис впадал в крайности. Он хотел уйти в монахи, отречься от женщин вовсе, вообще оставить все мирское, пока не убедился в том, что церковная жизнь не для него. Бывало и так, что полон решимости, он рассказывал о намерениях знакомиться на улицах, на сайтах знакомств, в институте или общежитии. Но сегодня, был как раз тот случай, когда решимость его покинула.

– Пф, я оставил попытки. Буду один, вот так! Посвящу себя учебе. Общаться буду на анонимных чатах.

– Будешь притворяться маленькой девочкой и ловить педофилов?

– А почему бы и нет?

– Я так и вижу, что во время встречи с каким-нибудь извращенцем, ты упадешь ему в ноги и будешь умолять его не бросать тебя. Подожди, я сейчас приду.

В каждой шутке есть доля шутки. И пока Агата ушла в туалет, Борис направил свой взгляд в зал и стал вспоминать потрясения прошлого года. Даже сейчас, когда жизнь наладилась, а приливы отчаяния отступили, он не мог отделаться от множества вопросов, тем более, от болезненных воспоминаний. Может поэтому он так нуждался в Агате, они всегда находили, о чем поговорить, не упоминая тот мрачный период. Официантка принесла кофе, он благодарит эту девушку, вяло улыбается. Его мысли словно болото, затягивают, отстраняют от мира. И вот, его взгляд ложится на вазочку с тростниковым сахаром, затем тонет в кофейном болотце, вяло гуляет по контуру бумажных салфеток.

– Вот и я. Слушай, тут обнаружилось, что на их полках с этой второсорщиной есть и нормальные вещи, – она кладет на стол книгу в мягкой обложке. – Может? Ну ты понимаешь.

– Может умыкнуть? Года три назад, ты бы и не сомневалась.

– Это да. Возраст берет свое, теперь я взрослая женщина, – шутливо говорит Агата.

– Оставь это мне, незаметно уберу ее в рюкзак, когда будем уходить.

– Ты серьезно?

– Насколько я знаю, эти полки здесь для буккроссинга, но все равно, лучше делать все незаметно.

– Ты чего? Что-то случилось?

Она немного опасалась его перемен настроения, конечно,

в любом виде она найдет к нему подход. И вопрос был задан скорее из любопытства, нежели с действительной надеждой на ответ. Борис, не желая говорить о настоящей причине своего недовольства, нашел в зале жертву, на которую можно сослаться.

— Да придурок тот раздражает. Я и сам люблю в кофейнях посидеть, почитать или еще что, но не понимаю самодовольства тех, кто воображает себя очень творческим, «не такими как все».

Они меня заметили, придется уходить. С другой стороны их беседа сейчас меня мало заботит, да и вас, я думаю тоже. Каждый раз они говорят о знакомых, книгах, событиях, насущных проблемах, пока в итоге вообще не уйдут в дебри воображения. Это обычные люди, сидящие за столиком, ничем не отличающимся от десятка таких же. Два друга, болтающие о пустяках, пьющие кофе. Хотя путаницы не избежать, я уточню, что дальнейшие события переносят нас на год ранее.

II

Десятки кирпичных комодов с людьми, меж ними земляные улочки, роща фонарных столбов с сияющей кроной. Улицы и здания зеркальны, в них теряешься, глазу не приметен ни один ориентир. Лабиринты Хрущева, развалины советской эпохи, затертая краска фасадов, пятна асфальта

на грязной земле. Железнодорожные пути, отзвуки жизни вокзальной станции. Побитые своим существованием люди, залив полость тела спиртом, ночами пляшут под музыку, порожденную развалом. Во всем этом своеобразная жизнь провинциальной глуши, не признающей себя таковой. Глуши, население которой воплотило в себе гибель юношеских надежд, ошибок беспочвенной самонадеянности, но в то же время Агата находит в этом латентное отражение неуклюжей чувствительности, противопоставляя ее механически-точным действиям успешных людей. Это место было ее комнатой взросления, постепенного открытия жизни. Комнатой с выцветшими обоями, рваным линолеумом, плохой шумоизоляцией. Окружность горизонта лишь стены, покинув которые, стремишься навестить вновь. Агата не желала покрывать свой поселок саваном смиренного прощания, взамен покрывала их вуалью личной ценности, трепетом воспоминаний, домашним уютом, старческим принятием убогости пейзажа. По схожим причинам можно скучать по болезненной, но сильной безответной любви детства, по родителям, что покинули тебя в нужде. По тем же мотивам, можно прятать билет от поезда или гербарий меж книжных страниц, хотя реальная цена этого вклада равна мусору. Ее душу тяготил разрыв между вполне логичным отказом и чувственной привязанностью к этим местам. Она проводит утро за книгой, размышляя о далекой Японии, далекой скорее в контексте истории и мысли, нежели географии. Неспеша, она

листает книгу «Хризантема и меч» Рута Бенедикта. Она думает о самураях. Самурай постоянно помнит своих врагов. Они его совесть, которая никогда не спит. Эта мысль занимает Агату, а после она улыбается: «А если у меня нет врагов? Значит у меня нет совести, или она спит?».

Поток фантазии нарушает звонок в дверь. Она ждала этого, так даже лучше. В квартиру заходят ее подруги. Ничего примечательного, поселковые девицы. Простоволосые, ярко покрашенные. Они привлекали ее своей вульгарной духовностью, замызганной пошлостью. Их смех наполняет стены, они пьяны, но это только начало. Агата проводит их на кухню, наливает добавки из своих собственных запасов. Она умеет пить, ее желудок выдержит и не такое, а вот подруги раскисли. начали нелепо хихикать и вдаваться в подробности о своей половой жизни. Их генитальные войны занимали Агату лишь как предмет изучения, становились почвой дальнейших размышлений. «Они несчастны, но не знают об этом». Про себя она это знала. Та, что побольше разразилась смехом, при упоминании парня с крохотным членом. Она хрюкала, закашливалась, а потом попыталась подняться. Ее юбка задралась, оголив застиранный треугольник ткани. Она подходит к зеркалу, щурится и говорит: «Что этому козлу надо? Я же красивая, и сиськи есть и все что надо». Агата смеется, спокойно кивает. Еще недавно она размышляла о том, что ценность чести превышает всего в этой жизни. Она где-то читала, что жизнь человека считалась тем прекраснее,

чем она короче, особенно если жизнь была яркой. Она восхищалась сэппуку, но считала, что жизнь дана для того, чтобы ее прожить. В ней смешалась советское смирение бабушки и самурайское отношение к смерти, где последняя является обычным ходом вещей. Она смотрела на свою подругу, глуповатую, но простую душой. Что бы ты ей не советовал, как бы подробно не объяснял, она встретит другого парня, затем еще и еще, пока не окунется в отчаяние и не женится на первом встречном. До тех пор, все слова лишены смысла, но Агата будет поддерживать ее, просто потому что так надо. День за окном будет терять свои краски, все медленнее и неразборчивее будет становится речь пришедших дам.

Ночью, проводив подруг до их домов, Агата не спешила вернуться в свою квартирку. Нет, у нее был план, который затмевал все размышления о чести и тем более о подругах. Она ждала наступления ночи, чтобы воплотить цель своего пробуждения, прикоснуться к чистому проявлению жизни. Она заходит в круглосуточный магазин. Там, поникнув, подперев массивную щеку рукой, сидит тучная женщина с завивкой. Эти женщины, что несмотря на свою жизнь, на общую сохранность, пытаются краситься и делать прически даже на работу в ночной магазин, могут вызвать своего рода восхищение. И стоя рядом с ней, не обращая на себя внимание, Агата начинает рассматривать когда-то славные черты уставшего лица. Голубые тени, яркая помада и румяна. Она просит коробку сливок, расплачивается и уходит с мыслью,

что эта женщина просто хочет быть красивой.

В руках Агаты упаковка вишневых сигарет и коробочка сливок. Ей нравится ее день, нравится своей противоречивостью. Она думает, что контраст в убогости внешнего мира, в каком-то смысле помогает больше любить свой внутренний, через него ценить и внешний. Неспеша она бредет по безлюдным и темным проулкам, через дворы, с пустующими детскими площадками. Бредет, глядя на небо и размытый в ночи горизонт, пока не достигает металлического ограждения возле общественного стадиона. Ворота слегка приоткрыты, она проходит в зазор и направляется к трибунам. Глядя на мокрые дорожки, протоптанные бегунами, она ожидает встречи, которая стала почти ритуальной, которой ей так не хватает в городе. Эта встреча не обещала буйства эмоций, внутренних потрясений, но все же она стала ей необходима. И даже в стенах института, Агата часто возвращалась в память об этих коротких вылазках на стадион. И вот, из темноты, грациозно и не торопясь, ступая подушечками лап на мокрую пожухлую траву, на встречу Агате идет бездомная кошка. Агата улыбается, подзывает кошку к себе, но та недоверчиво поглядывает, осторожно шагает вперед. Ладонь наполняет лужица сливок, уверенность в кошачьем шаге прибавляется. Шершавый язычок лакает с ладони, касается кожи. Агата улыбается, зубами вытягивает сигарету, а после закуривает. Синяя ленточка дыма стремится уйти в облака, стать частью вселенной. Звонок. Это Борис,

Агата берет трубку. В его голосе растерянность, он боится сойти с ума. Она слушает его рассказ, лишь изредка и умиротворенно повторяя «все будет нормально». Сливки в руке исыпали, взгляд кошки изучает возможность добавки, Агата прощается с Борисом. И снова тишина, она добавляет в ладонь еще немного сливок, а после допивает остатки. Тяжело дыша, к трибунам подходит скучающий сторож. Агата знает его с детства, она знает лицо почти всех, кто живет в их поселке. Понаслышке знакома со многими историями местной жизни. Агата смотрит на его простодушное, сонливое лицо. На сеточку морщинок у глаз и упитанное тело.

– Эх, молодежь, а уже курите. А что за сигареты у вас, ароматные такие. Не угостите старика?

– Конечно, берите.

Она протягивает сторожу сигарету, он присаживается рядом с ней и начинает нахваливать свежесть ночи. Порой она поглядывает на его грубые руки, подносящие сигарету к седым усам. Не прощаясь, кошка исчезает в ночи. Докурив, уходит и сторож. Еще несколько минут Агата будет жить в этом скромном эпизоде, а после побредет домой.

Еще вчера днем Борис заметил притупленность в это время, а сегодня это чувство усилилось. У него нет желания покидать дом. Он курит, ходит из стороны в сторону, никак не может найти себе места. Прочитав десять страниц книги, он откладывает ее, включает фильм, но вскоре и он становится не интересен. Жирные двукрылые мухи кружили над потол-

ком, раздражая слух. Уже осень, а эти надоедливые создания никак не исчезнут. Умей они разговаривать, могли бы составить ему компанию. Однако они лишь раздражали, поэтому он убил их. Настала тишина. Он вышел из дома, прошел в зимовье. Влажный теплый воздух, пропитанный запахами кухни, оседает в носу. Он стоял посреди единственной комнаты. Никакой цели, глухая потерянности. Имитация амнезии. Повернув к выходу, на полу он замечает больного цыпленка. Его влажное тельце подрагивает, под хвостом ало-красный сгусток, от которого тянется такого же цвета след. Видимо он упал, пытался ползти. Внутренний мир Бориса нашел свое отражение в этом кадре, пропитанном теплым, липким воздухом, в больном цыпленке, в его беспомощности и кровавом мазке на полу. С сакральным трепетом он берет цыпленка в руки, выходит на улицу. Глядя на небо, он думает «Будет дождь». Стоя посреди двора, он в нерешительности смотрит на вялую жизнь, мучительную отсрочку от смерти: «И куда дальше? Просто бросить его?». Борис с осторожностью кладет цыпленка на полено, а после осматривается. Он берет топор для дров, замахивается. «А вдруг ударю по телу, вдруг изувечу его, а не убью?». Нет. Все должно быть четким, наверняка. Немного порывшись в инструментах, он находит топорик для мяса. Прижав острие к крохотной шейке, он ударяет сверху топором покрупнее. Голова так и осталась рядом с телом, его крылья трепещут, лапки изгибаются. Обе его части словно цепляются за жизнь. Вскоре тельце обмяк-

ло. «Будет дождь». Борис берет лопату, закапывает маленький труп, а после возвращается в дом. Остатки дня проходят незаметно, вечером он идет в баню, рассчитывая смыть с себя день. В баке с горячей водой образовалась серо-бурая густая пена. Кто-то неловко уронил туда кусок хозяйственного мыла, а после не удосужился достать его. Вода была мутной, немного воняла. Можно легко представить, что мысли Бориса – это мыло в кипящем баке воды.

Ночь. За окном слышится рев пьяного отца. Бориса не покидали томительные, но в то же время рыхлые мысли. Он то и дело курил, а после снова ложился на засаленную постель, предпринимая попытку уснуть. Ночь за окном сгущалась, подталкивала, язвительно дразнила. Усталость отяжеляла внутренности, но сон к нему не приходил. Он снова встал, в глазах потемнело. Взяв книгу, он сел в кресло, но печатные слова были вязкими, строки скачущими. Воздух казался слишком густым. Открыть окно – усилить крики улицы. Борис снял всю одежду, снова лег. Стук в дверь, голое тело на постели даже не шелохнулось. Стучат все сильнее, крик становится навязчивым. Сердце Бориса стало биться чаще, сейчас он уже не был способен оказать сопротивление даже мухе, поэтому страх взял бразды правления над всем его телом. Страх велел ему встать, трясущимися руками погасить свет. Он слышит ругательства, омерзительные слова в свой адрес. Дверь на веранду с грохотом треснула, шум становится ближе. Одна лишь дверь щитом стоит под

натиском пинков, ударов, криков. Безрезультатность, тишина, лишь гулкое биение сердца. «Я жалок». Одев брюки, покинув дом, он босиком направился в соседний дом. Никакого плана, ноги вязнут в грязи. В доме отца никого не было, лишь свет и звук телевизора. Борис смотрел на все, но взгляд его соскальзывал с предметов. Он не знал зачем пришел, пока в руке не ощутил коробок спичек. Дрожь ушла, об был пуст – ни страха, ни сожалений. Ничего. Шорох картонного коробка, ощущение дерева между пальцами, запах жженной серы. Плавный жест, загорелись шторы. Он неспеша вернулся в свой дом. «Зачем я это сделал?». Он ощутил беспокойство, «со мной что-то не так». Взяв телефон, он находит номер Агаты. Ее голос спокоен, но говорит она мало. Борис рассказывает о случившемся, ему просто необходимо разделить это с тем, кто поймет. Позже он вспоминает о Марке, но обращаться к нему в это время не имеет смысла.

Влюбленные взаимно. В этих словах есть сила. Невообразимое чувство, охватывающее все мысли, все пространство вокруг. Марк не мог поверить своему счастью, казалось, что все, что он так долго искал в книгах, людях и мечтах, он нашел в своей милой Еве. Их любовь была из тех, которая не знала времени, она подчиняла его. Такой любовью можно просто наслаждаться, просыпаясь с улыбкой на лице, с целью дня. А ночью это трепетный огонек внутри, будет греть сновидения. Марк провел весь день в томительном ожидании, лаская свою душу воспоминаниями прошлой встречи. Не в

силах сидеть на месте, он направился к их общему другу. К другу, в квартире которого пахнет одеколоном и кофе. Дневной свет смешивался со светом лампы, наступление вечера было незаметным. Друг не сидел на месте, все что-то рассказывал, не унимался. Марк с напускным интересом кивал, но ждал лишь одного. А после острая и резкая мысль: «А вдруг она не придет?». Эта мысль пускала корни тревоги, он боялся, что что-то случилось. И день уже шел к завершению, а Марк жил лишь надеждой. В половину одиннадцатого, он вышел на улицу в компании друга, охваченный радостной новостью, что Ева скоро придет. Они подошли к остановке, но ждать не пришлось. Они встретились. В ту ночь они выпили, но лишь чтобы составить компанию другу. Он горевал о том, что уже женат, но влюбился в другую. Сочувствию не было места, Марк и Ева смотрели друг на друга. Играла музыка, они немного потанцевали. Танцевать Марк не умел совершенно, поэтому виновато смотрел в глаза Евы, когда делал неловкое движение. Она двигалась плавно, улыбалась, закрыв глаза. Музыка, ее тело, их чувства стали едины. Касания опьяняли сильнее спиртного. Позже, они выйдут на улицу, и стоя в маленькой роще у дома, впервые за день обнимутся. В прохладе ночи, греясь внутренним светом и дыханьем друг друга, Марк впервые в своей жизни сделает искреннее признание живой душе, сказав: «Я люблю тебя, Ева». Безмолвие, ветер тревожит листья, тихим, нежным голосом Ева скрепит их союз, ответив взаимностью. Молчание

в близости тел, в душевном согласии. Слова – это всего лишь рамки, буквенная ограда, удобные, но все же ограниченные. Тишина может быть бесконечной, безмолвие греющим или томительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.